

И.Ю. Кобзев

ПО ПУТИ БОЖЕСТВЕННОГО ЦИНИЗМА

„Библиотека существует ab aeterno...

*Возможно, страх и старость обманывают меня, но я думаю, что человеческий род – единственный – близок к угасанию, а Библиотека сохранится: освещенная, необитаемая, бесконечная, абсолютно неподвижная, наполненная драгоценными томами, бесполезная, нетленная, таинственная. „
(Хорхе Луис Борхес „Вавилонская библиотека“)*

1

Вот и снова наступили рождественские короткие дни. И длинные ночи: в восемь часов вечера кажется, что уже полночь и пора спать. И я ложусь спать. А в пять часов утра кажется, что еще полночь, но спать уже не хочется, я лежу и думаю. В комнате за ночь становится прохладно: я пью ноздрями холодный воздух и нежусь в тепле спальника. Я думаю: „Старость похожа на эти короткие рождественские дни: на пару часов пробуждается мысль, а потом опять весь день над тобой царит тело – носитель старости, этой „ночи“ жизни. Тело кричит и жалуется, что ушла молодость, и мешает разуму спокойно заниматься своим делом. По моему это Оскар Уайльд сказал: „Ужас старости не в том, что тело старое, а в том, что душа молодая“. Это так: тело начинает мешать душе трудиться „ и день и ночь, и день и ночь“. И мы знаем, как разрешается в конце концов это противоречие. А пока, пока еще брезжат просветы мысли и чувства, есть возможность забыть о старческом брюзжании тела – погрузиться в мир романа, испытать наслаждение чужой жизнью как своей собственной, прожитой вновь и по-другому. И таких жизней множество – вся огромная литература, накопленная пишущим человечеством. Вавилонская Библиотека жизни, реальное бессмертие этого человечества, потому что каждое прочтение романа читателем, реально воскрешает его писателя. И даже потом, когда прочитанный роман ставится на полку, читатель отчасти остается носителем жизни этого писателя“.

- Почему? - спрашиваю я сам у себя.

- А что остается от бублика, когда его съедают? - задаю я встречный вопрос.

- Дырка, - отвечаю я сам себе

- А что остается от книги, когда ее прочитают?

- Воспоминания?

- Читатель остается!

- И что?

- Ты не понял: остается читатель, который прочел именно эту книгу, а значит, когда он будет читать следующую книгу, он прочтет не совсем ту книгу, которую прочел бы другой читатель, не прочитавший перед этим первую книгу.

- Читатель изменяет книгу, а книга изменяет читателя - в этом и заключается жизнь Библиотеки. Это очевидно.

- Да, в этом и заключается смысл существования Библиотеки. А в чем заключается смысл жизни читателя?

- Переместить библиотеку внутрь себя.

- И не только библиотеку!

- Что ты имеешь в виду?

- Я имею в виду то, что привычка к чтению превращает и собственную жизнь читателя в подобие библиотеки или хотя бы полки с книгами. Каждый этап его жизни оказывается неким романом, выстроенным вокруг самого „читателя“ (его главного героя) наподобие некоторого пазла. Этот пазл все упорядочивает и все объясняет внутри данного куска жизни. А потом вдруг наступает другой этап жизни – „читатель“ берет с полки новую „книгу“ – и прежний пазл рассыпается в хаос. „Читатель“ (он же герой нового „романа“) прикладывает усилия для создания нового пазла своей жизни. При этом о прежней жизни он почти не вспоминает или вспоминает как о чужой и посторонней для себя сегодняшнего. А потом точно так же наступит новый этап жизни, в котором будет новый пазл бытия, а старый будет отброшен. И так далее, и так далее, пока не будет прочитана вся полка „книг“ этой жизни.

- То есть читатель – это обязательно ренегат и предатель своего прошлого?

- Непременно так. Только дети не умеют еще ставить на полку прочитанные книги, поэтому они требуют читать их снова и снова, страшась самой возможности расстаться с любимым пазлом. А взрослые движутся сквозь библиотеку своей жизни, решительно расставаясь с прочитанным.

- Это цинизм?

- Это божественный цинизм – предтеча реинкарнации быть может.

- Реинкарнации?

- Ну это если она есть, конечно.

- А при чем тут божественный?

- А вот это несомненно: представь себе как Бог „читает“ роман чьей-то жизни, а потом переключается на роман другой жизни. Бог, который есть Любовь, с любовью следит за этой жизнью, а потом легко расстается с ней и с такой же любовью следит за другой жизнью. Потому что Бог вечен, а человеческая жизнь быстротечна. Поэтому Божественная любовь – это цинизм по отношению к смертному человеку. И этим божественным цинизмом держится „Вселенная – Библиотека“, о которой писал Борхес.

- И таким же цинизмом держится человеческая жизнь?

- А как же? - ведь „по образу и подобию“. Человек как главный герой своей жизни, отвергает цинизм, но человек как автор своей жизни обречен быть циником.

Остранение – вот суть позиции циника.

- Как у Экклесиаста: „Что было, то и будет... все - суета и томление духа“?

- Именно так. Я скажу больше: литература вообще есть учебник цинизма.

- Почему?

- Потому что приучает человека к авторской позиции: к созерцанию чужих судеб и переживаний со стороны – с другой стороны обложки книги. Читающий человек учится закрывать обложку и ставить книгу на полку. А потом применяет это умение к своей собственной жизни.

- Тогда выходит, что цинизм это не эгоизм, а что-то прямо противоположное?

- Совершенно верно! Цинизм остраивает человека от его собственной жизни: сначала от прошлой, потом и от текущей, а вершина цинизма – это остраненное отношение к самому себе, та самая апатейя и атараксия, о которой как об идеале говорили греческие философы. А эгоизм цепляется за свою жизнь: за свое эго, за свое настоящее и за свое прошлое, за все, на чем он поставил мысленную печать „мое“.

- Эгоизм инфантилен.

- Да, но и в детстве он развивается постепенно по мере приучения ребенка пользоваться его собственным телом, по мере вживания его в свое тело. Новорожденный ребенок еще не имеет тела. Точнее он не догадывается о нем. Он бестелесен и спит как Брахма, быть может созерцая и намеривая в этом сне небытия свою будущую жизнь. В этом сне он

автор, который находится снаружи своего романа, но не его герой – ему просто еще „нечем“ быть героем. А потом ребенок пробуждается, постепенно обретает свое тело, свое эго и смело распространяет его на весь окружающий мир. Его эго хочет поглотить весь мир, как кадавр из повести Стругацких, и сделать этот мир собою. И делает, пока не получает по заднице от родителей, по морде от сверстников и по язве от начальства. Это останавливает экспансию каждого эго.

- А в старости?

- А в старости, как нетрудно догадаться, происходит обратный процесс сворачивания эго, начиная с отказа от „дального зарубежья“ (мир, страна, работа, коллеги, знакомые) и кончая „ближним зарубеьем“ (друзья, дети, родственники). Конец эго – отказ от себя. Это иночество, отшельничество, приготовление к смерти.

- То есть смерть эго это репетиция настоящей смерти.

- Да. И в этом смысл старости как периода жизни. Расчеловечивание как обожение, как обретение авторской позиции внаходимости по отношению к своей собственной жизни. Быть может это возвращение к тому безмятежному созерцанию, которому предается новорожденный в своем сне Брахмы. Только теперь это созерцание намеревается (или сочиняет) себе новую инкарнацию или посмертное существование – это уж кто во что верит...

2

Как всегда на рождество тепло, дождь и слякоть. Где же традиционный тихий снегопад, в котором гаснет нежный звон множества колокольчиков? Видимо там же, где традиционное христианство в этой глобализованной Европе. Когда рождество встречают грохотом петард и запахом серы, стоит ли удивляться тому, что и природа игнорирует свои праздничные обязательства. Правда состоит в том, что в современной Европе это праздник Мамоны – народ толпится в его храмах: супермаркетах и универмагах. Это праздник вещей, занявших место Бога. Человек любит вещи и обижается на Бога за то, что Он обращает на человека мало внимания. Не Бог оставил Европу – это Европа оставила Бога. И теперь она как Атлантида медленно тонет в волнах варваров с других континентов. Как говорится „За что боролись...“ Цинично, но правда всегда цинична...

- Если ты такой законченный циник, то зачем ты пишешь эти заметки? Что тебе мнение твоих возможных читателей?

- Чужое мнение меня действительно не интересует – меня занимает только удовольствие от работы моего мозга. Я как циник Диоген, который дрочил на площади в Афинах, не обращая внимания на мнение прохожих.

- А может на самом деле он дрочил с дальним прицелом?

- С каким?

- А чтобы ты его вспомнил через две тысячи лет. Сдается мне, что Диоген был не только циничным, но и умным и точно рассчитал далекие последствия своего циничного акта.

- Может быть ты и прав, и я тоже на что-то рассчитываю. А может просто хочу вернуть в Божественную Библиотеку Борхеса то, что задолжал, беря всю жизнь оттуда книги, создавшие меня. Может быть и эту праздничную болтовню кто-то случайно возьмет с полки и жизнь его пойдет совсем не так, как он предполагал до этого. Может быть он изменит свое отношение к литературе и вдруг осознает себя Читателем. И не только литературы...

- ... но и жизни?
- Именно так: научившись бестрепетно ставить на полку прочитанный роман и брать с нее следующий, человек решает так же бестрепетно „поставить на полку“ прожитую часть жизни – вернуть ее в Божественную Библиотеку.
- По-моему у Кастанеды это называлось „стиранием личной истории“?
- Да, похоже... Причем, заметь, что поставив на полку эту „личную историю“, маг Кастанеды берет с этой полки новый роман – роман, написанный самим Кастанедой. И становится героем этого романа. Так и мы, расставаясь с эпизодами своей жизни, наполняем ее эпизодами прочитанной литературы и просмотренных фильмов. Так мы расширяем свою жизнь, выходя за рамки отведенного нам судьбой. Быть может приближаясь к тому идеалу всечеловечности, о котором писал Достоевский.
- Всечеловечность как божественный цинизм?
- А почему тебя так удивляет это сопоставление? Не надо бояться слов – надо наполнять их тем содержанием, которое нам необходимо в данный момент: слова служат мысли, а не мысль словам.
- Это уже какой-то лингвистический цинизм.
- Цинизм может быть злом и может быть благом. Все зависит от того, практикуем ли мы его в жизни социума или в жизни отдельного человека – человека как носителя разума. Для социума цинизм разрушителен и обязательно оборачивается злом. А в индивидуальной жизни человека цинизм – это способ развития личности.
- А подробнее?
- Что такое „поставить на полку прочитанную книгу“ в применении к общественной жизни?
- Совершить революцию?
- Совершенно верно: старую историю общества „возвращают в библиотеку“, если конечно при этом революционеры не сожгли саму библиотеку. Новую историю пишут на ходу, пользуясь при этом в текущей жизни древними обезьяньими программами поведения типа „смерть врагам народа“. При этом с абсолютным цинизмом соединяют самые возвышенные идеалы нового социума с самыми дикими способами поведения. От этого добро и зло меняются местами: то что было белым в прошлом, становится черным сегодня и наоборот. Вот что такое цинизм в социальной жизни.
- Что же остается делать человеку в этом „перевернутом“ социуме?
- Практиковать внутренний цинизм, который есть не что иное как остранение от окружающих его убеждений, лозунгов, ценностей и традиций. Это можно назвать расчеловечиванием, а можно назвать и обожением, если вспомнить миф о грехопадении, которое привело к установлению добра и зла. Соответственно обожение должно возвращать человека в „райское состояние“ циничного неприятия этих условностей.
- А не страшно без условностей?
- Смотри что: общественная жизнь без условностей быстро становится филиалом ада. А внутренняя жизнь человека, не скованная условностями, порождает творческое мышление. Это ли не рай для нас?
- Для нас или для меня одного?
- Это правильный вопрос. Конечно для меня одного а также для всех тех, кто в одиночку пытается соответствовать антропному принципу нашей Вселенной.
- В одиночку соответствовать антропному принципу? Как это понимать?
- Ну если Космос создан для того, чтобы в нем появился разум, то это мой разум.
- Это как говорил герой „Доктора Живаго“: „Если бог есть, то он – это я“?
- Именно так.
- Ну а как же разум тех, кто был до тебя и у кого ты учился быть разумным?

- А их разум стал частью моего через прочитанные мной книги. Точно так же как мой разум станет частью разума моего читателя, который будет мыслить после меня. Но в тот момент когда кто-то мыслит и рождает новую мысль – в этот момент он и только он является тем человеком, тем разумом, для которого и была создана Вселенная и протекли миллиарды лет эволюции жизни на этой планете.
- Это какая-то безмерная гордыня!
- Это божественный цинизм разума. Носитель разума тот, кто мыслит в данный момент. Он и есть та точка, в которой Бог обретает бытие в созданном им Космосе.
- И этот носитель разума обязательно должен быть одинок в момент рождения у него новой мысли?
- Обязательно. Быть может это и есть одно из самых сильных доказательств единобожия. И опровержения многобожия, ибо Олимп слишком похож на коммунальную кухню.
- То есть толкучка богов – это просто толкучка?
- А ты представь себе встречу двух циников – что останется от их цинизма при их общении?
- Ты думаешь, они начнут играть в привычную игру „кто главней“.
- Это неизбежно, потому что так уж получилось, что разум Вселенной поселился в голове обезьяны. Пока обезьяна может отвлечься от того, что она обезьяна, то есть цинично игнорировать свои эволюционные программы, она может быть носителем разума. Но как только она начала общение с другой обезьяной, мгновенно рождается стадо со всеми его неодолимыми законами.
- Я сейчас подумал, что может быть Диоген не просто так дрочил на публике, а чтобы повысить свой статус в иерархии циников, а может быть и подсидеть самого Антисфена.
- Хорошее замечание. Я думаю, что любая публичность имеет тот же смысл. И любая публичность противоположна работе разума. Даже если это публичное обучение разуму, все равно это прежде всего человеческий театр. Недаром профессия учителя ближе к профессии актера, чем к профессии мыслителя.
- Так вот почему Григорий Перельман ушел в затвор, отказался от премии и отказался от преподавания!
- Да, это быть может самый яркий пример божественного цинизма в нашем погрязшем в цинизме мире...

3

Люблю это время года между рождеством и Новым годом. Особенно в моем имени. Особенно в такую погоду как теперь – то дождь, то снег и тучи, как-будто еще неродившийся день. Он и в самом деле родится только после Нового года – тогда снова раскрутится колесо повседневности. А пока – пока длится ночь, которая ненадолго прерывается непробудившимися толком сумерками. И нет забот, и нет времени, отсчитываемого этими заботами и обязанностями. Только ночь и сны, которые заменяют реальность. Или книги, которые заменяют сны в недолгие дневные часы.

Вот я поставил на полку очередной прочитанный роман, смотрю на огонь, пылающий в камине, и ощущаю послевкусие этого романа. Волшебник Акунин! Как он незаметно вошел в меня и сделал свою мысль моей. И как совпали наши мысли! Это роман о детском саде в еврейском гетто, где талантливые педагоги отыскивают и развивают таланты своих малышей, создают из них талантливых людей до тех пор,

пока нелюди не отправляют их всех на уничтожение. Как можно назвать этот педагогический труд – цинизмом или подвигом? Но ведь и жизнь каждого человека конечна, тогда чем же является его самосовершенствование – цинизмом или подвигом?

- Я называю это цинизмом. И это будет цинизмом до тех пор, пока человек не примет веру в свое собственное бессмертие. Тогда цинизм обратится в простую радость бытия разума. Это верно почувствовал Ницше, но он не верил в бессмертие души, поэтому его сверхчеловек остался просто циником.

- Как неизбежно должен выглядеть циником Бог, допускающий зло в этом мире?

- Да, Бог вечен, поэтому наблюдая проявления зла в нашей короткой жизни, мы не можем себе представить его смысл и соотношение с добром в перспективе вечности - sub specie aeternitatis.

- Наверное поэтому все религиозные заповеди сводятся к простой формуле: делай что должно и будь что будет. Причем это „будет“ чаще всего происходит за пределами земной жизни человека. Поэтому и эти заповеди выглядят цинизмом на фоне событий короткой человеческой жизни.

- Быть человеком значит быть циником. Ведь и когда мы клянемся девушке в вечной любви, мы цинично обманываем ее, потому что не верим в собственную вечность.

- Как у Окуджавы: „Не обещайте деве юной любви вечной на земле“?

- Да, но в ответ ему герой Григория Горина восклицает: „Слава храбрецам, которые осмеливаются любить, зная, что всему этому придет конец. Слава безумцам, которые живут себе, как будто бы они бессмертны“. Эти безумцы идут по пути божественного цинизма.

- Как у Бродского: „Мимо ристалищ, капищ,
мимо храмов и баров,
мимо шикарных кладбищ,
мимо больших базаров,
мира и горя мимо,
мимо Мекки и Рима“ ...

- Да, да. И дальше: „мир останется прежним,
да, останется прежним,
ослепительно снежным,
и сомнительно нежным,
мир останется лживым,
мир останется вечным,
может быть, постижимым,
но все-таки бесконечным“ ...

Имение «Ясенева поляна», декабрь 2019